

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ XV–XVII ВВ.)

COBISS: 1.01

Vrednostni orientirji ruskega človeka skozi lastnoimensko prizmo (po gradivu regionalne antroponimije 15.–17. stoletja)

V članku se z vidika antropocentrizma analizirajo antroponimne enote (vzdevki, nekoledarska in koledarska osebna imena), ki jih beležijo karelski zapisi iz 15.–17. stoletja. Ključne besede: zgodovinska antroponimija, antroponimna enota, privrnitev, vrednostni sistem tradicionalnih osebnih imen

Value Reference Points for Russian People Viewed through Proper Names (Based on Regional Anthroponymy from the Fifteenth to Seventeenth Centuries)

This article analyzes anthroponymic units (nicknames, non-saints' names, and traditional saints' names) found in fifteenth- to seventeenth-century writings from Karelia and presents them from an anthropocentric point of view.

Keywords: historical anthroponymy, Old Russian, anthroponymic unit, reconstruction, value system

1 ВВЕДЕНИЕ

Конец XX – начало XXI вв. ознаменованы обращением гуманитарного сообщества к проблемам антропоцентризма, исследованию языкового сознания народа, выявлению парадигмы ценностных ориентиров, «стереотипов». ¹ Ведущее место в таких изысканиях принадлежит лингвистам: когнитологам, этнолингвистам, антропологам, лингвокультурологам, психоллингвистам. В центре внимания находятся различные лингвистические единицы (чаще всего лексическая система), функционирующие прежде всего в современных социумах (Апресян 1995; Арутюнова 1999; Вежбицкая 1997; Караулов 1987; Серебrenиков 1988; Степанов 2001; Телия 1988; Урысон 2003; Шмелев 2002). Духовные ценности человека, жившего до XVII в., редко становятся объектом изучения, хотя в отечественной науке имеются монографии,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

в которых данная тема является или специальным предметом и объектом изучения, или затрагивается косвенно (Вендина 2002; Гуревич 1984; Колесов 1986; Топоров 1995). Источники, к которым обращаются исследователи, – это сведения по мифологии, фольклору, этнической истории, данные по материальной культуре, а также языковые единицы, зафиксированные в письменных документах разных периодов, которые позволяют установить важность различных сторон жизни человека и общества в целом в определенное историческое время.

Наиболее близкой для данной статьи является монография Т. И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка», в которой через анализ лексических и словообразовательных особенностей, отраженных в памятниках письменности старославянского языка, сделана попытка погрузиться в мир смыслов и ценностей средневекового человека, определить направления, по которым формировалась личность. Т. И. Вендина приходит к выводу, что средневековый человек – «живой, мыслящий и чувствующий человек [...], поведение которого детерминировано религией и обществом» (Вендина 2002: 308). В целом принимая выводы автора монографии, отметим: без сомнения, христианство – одна из важных сторон средневекового общества, но оно было привнесенной искусственной догмой, диктовавшей человеку: каким он должен быть и чего он не должен делать. В основе изучения – апеллятивная лексика старославянских памятников письменности, знакомство с которой показало, что при описании ценностных ориентиров русского человека в языковой картине мира имеются лакуны, которые не позволяют до конца дать объективный анализ значимых сторон жизни русского человека, жившего в донациональную эпоху, ценностных установок, которые были поддержаны христианством. Так, рисуя портрет человека по материалам старославянского языка, Т. И. Вендина отмечает, что внешние особенности представлены достаточно скупо, а список морально-этических качеств, которыми обладал наш предок, более обширен.

Наличие «белых пятен» заставило обратиться к поиску базы, которая может дополнить сведения о человеке, его мире и системе ценностей в прошлом. Таким источником послужила антропонимия территории Карелии XV–XVII вв. – периферийная часть Руси. Обращение к отдалённому от центра региону обусловлено тем, что Карелия – это уникальная зона славянского пространства, где, по словам Н. А. Мещерского, в языковой системе в большей степени, чем на территориях, в прошлом приближенных к Москве, а ранее к Новгороду, сохранялись архаические черты (Мещерский 1963: 113). Кроме того, Карелия – это территория, имеющая тысячелетние контакты русского и прибалтийско-финского населения. Именно поэтому ономастикон Карелии донационального периода может служить значимым элементом в познании языка, системы ценностей, культуры

народа, населявшего данный регион. Интересен и временной отрезок, он представляет антропонимическую систему как особую контаминацию христианского и дохристианского, после XVIII в. это стало невозможно. Источниками послужили официально-деловые документы Карелии XV–XVII вв. на русском и шведском языках: писцовые, дозорные, переписные и поземельные книги, в которых зафиксированы имена налогоплательщиков – жителей Карелии. К анализу привлекаются все антропонимические единицы (около 100.000), нашедшие отражение в исследуемых источниках: календарные и некалендарные личные имена, прозвища, патронимы, посессивные ойконимы. Безусловно, разные антропонимические единицы обладают неодинаковым антропоцентрическим потенциалом. Наиболее информативны прозвища (*Карбас, Мазило, Охлопок, Пестряк* и т. д.), далее следуют некалендарные личные имена (*Первуша, Ждан, Волк* и т. д.), затем патронимы и ойконимы (*Зуев, Дуравин, Обалдин, дер. Базарово, место Бардина* и т. д.), восходящие к прозвищам. Далее назовём календарные имена и образованные на их базе патронимы и ойконимы (*Ивашко, Иванов, дер. Ивановская* и т. д.). Информативна и структура именованья в целом, их большое разнообразие: от однокомпонентных до многокомпонентных (*Житко; Нечайко Истомин; Ермолка Александриков Дубина; Степанко Радивонов сын Лопушка; Истома Ворсин Кузнецов* и т. д.).

2 РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АНТРОПОНИМИИ

Сначала обратимся к самым содержательным с точки зрения семантики основы антропонимическим единицам, функционирующим в текстах деловых документов, – прозвищам. Именно они были указаны исследователями в качестве источников восстановления лексико-семантической системы прошлого. Начиная с 60-х гг. XX в., и были признаны своеобразными «резерватами языковых реликтов» и ценнейшим источником изучения русского языка до XVIII в. (Трубачев 1968; Дерягин 1985; Азарх 1981; Чайкина 1991; Никонов 2007; Полякова 2007; Богачева 2009; Ганжина 2001). Их особая «миссия» в тексте деловых документов явилась той движущей силой, которая заставила лексикографов «узаконить» прозвища и включить их в состав словника Словаря русского языка XI–XVII вв. на общих правах с нарицательной лексикой. Доказано, что прозвища восходят в большей своей массе к экспрессивным апелляциям, которые отсутствуют в памятниках деловой письменности XV–XVII вв. в силу их жанрового своеобразия.

Представим пример реконструкции слова. В купчей Актов Соловецкого монастыря зафиксирован Григорей **Грибан** (АСМ 1542: 60), где прозвище **Грибан** восходит к апелляции ***грибан**, не зафиксированному в русских памятниках письменности. Но фиксация антропонима в документе является

доказательством того, что такое нарицательное существительное было в лексической системе XVI в. Вероятно, это слово содержало характеристику внешности человека, поскольку в современных говорах находим омонимичный апеллятив **грибáн** – ‘человек с толстыми губами’ *Пск.*, ср. также **гри́ба** – ‘губа’ *Пск., Твер., Смол., Брян.* (СРНГ 7: 140). Возможно предположение и о других мотивах именованя: ср. **грибáн** ‘угрюмый, вечно недовольный человек’ *Арх.* (СРНГ 7: 140), а также **гри́биться** ‘дуться, капризничать’ *Чуд., Новгород.* (СРГК 1: 396), ‘морщиться, хмуриться, плакать, скривив губы’ *Твер.* (СРНГ 7: 140). Таким образом, слово ***грибан** реконструировано для языка донационального периода.

Таким же источником пополнения сведений о лексическом составе языка донациональной эпохи являются патронимы и посессивные ойконимы, образованные от прозвищ с экспрессивной апеллятивной основой. К данным антропонимическим единицам обращаемся в том случае, если прозвище отсутствует в тексте памятника письменности.

Так, патроним **Бутасов** (Сенка да Гришка **Бутасовы**, ПКОП 1563: 141), безусловно, восходит к прозвищу **Бутас**, которое можно связать с **бутáс** – ‘суровый, угрюмый человек’ *Сев.-Двин.*, ‘нелюдимый, необщительный человек’ *Арх.* (СРНГ 3: 309; АОС 2: 188). Следовательно, апеллятив ***бутас** восстановлен для лексической системы донационального периода.

В составе посессивного ойконима дер. Яковлевская **Тетюхина** на Святом наволоке Шулятниковская (КЗПОП 1582/83: 147) выделим компонент **Тетюхина**, который восходит к патрониму **Тетюхин** и прозвищу **Тетюха**, пока не зафиксированными в ономастической системе прошлого. Конечный элемент апеллятив **тетюха** сопоставим с **тетюха** – ‘дородная, грубоватая баба, бабища, девка’ (Даль 4: 403).

Подобным образом на базе этих антропонимических единиц, функционирующих в памятниках письменности Карелии XV–XVII вв., восстанавливается семантическое множество экспрессивных апеллятивов. Подробная методика реконструкции лексики по данным антропонимии представлена в диссертационном исследовании И. А. Кюршуновой (Кюршунова 1994). Безусловно, сопоставляемые антропоним и апеллятив разделены значительным временным промежутком, поэтому «восстанавливая архаические значения слов, следует постоянно иметь в виду, что понятия древних людей могли не совпадать полностью со сходными понятиями современных людей» (Серебренников 1973: 63).

3 ИНФОРМАТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

- 3.1 Одновременно вместе с восстановлением недостающих звеньев в лексико-семантической системе прошлого по данным региональной антропониимии и их анализом с точки зрения системности можно говорить о существенном дополнении наших знаний о духовных, морально-этических ценностях, на которые ориентировался русский человек.

Внутри восстановленного семантического множества выделяются две группы: названия лиц по физическим особенностям и названия лиц по морально-этическим качествам. Каждая группа наполнена большим количеством микрогрупп (около 100) разных по объёму, которые показывают, что спектр внешних особенностей и морально-этических качеств человека, попадавших в сферу именованья, был достаточно велик.

- 3.1.1 Самое большое количество именованья восходит к названиям лица, где выделяется компонент ‘полный человек’. Например, Васюк **Кережа** (ПКОП 1563: 243) и **кережа** ‘брюхан, обжора; толстый, неповоротливый человек’ *Медв., Канд.* (СРГК 2: 340), Подобное соотношение антропонима с апеллятивом, имеющим в своем составе сему ‘полный’, наблюдаем у прозвищ **Ботва, Бочка, Гладкой, Корова, Кубас, Кубач, Курбат, Лабза, Луста, Мянда, Обрюта, Олелюха, Телепень, Толстик, Толстой, Тукач** и др., зафиксированных в деловой письменности Карелии (всего 55 антрополексем).

Таковыми же объемными являются группы именованья, у которых основа содержит апеллятив со значением ‘неаккуратный, неопрятный человек, грязнуля’: **Варакса, Варач, Варзака, Ватола, Гомаза, Жиган, Кастей, Кулема, Мазило, Мазура, Мурзан, Пуляко, Свинья, Урюпа, Чупряк, Шарап** и т. д. (всего 22 антрополексем); ‘возрастные особенности человека’: **Барда, Зеленец, Каргач, Кокшак, Мальга, Малко, Назим(ый), Нестарый, Со-сун, Старина, Старко, Ярец** (всего 16 антрополексем) и ‘слабый, болезненный человек’: **Гижа, Дряхлой, Кисель, Корча, Слабырь, Хилок, Хрип, Хрипун, Худой** (всего 12 антрополексем).

Большая часть остальных микрогрупп имеют небольшую наполняемость в пределах региона. Они представлены 2–4 лексемами: ‘горбатый человек’, ‘некрасивый человек’, ‘человек с толстыми губами’ – (4), ‘калека’, ‘человек с искривленным позвоночником’, ‘хромой человек’, ‘человек, имеющий дефекты зубов’ – (3), ‘человек, страдающий одышкой’, ‘человек, страдающий грыжей’, ‘человек с тонкими ногами’, ‘человек, с кривыми ногами’ – 2 и т. д. Много именованья, которые трудно объединить в какие-либо группы, однако семантику основы можно расшифровать

достаточно схематично, как ‘человек, имеющий физические отклонения или отклонения во внешности’.

Оказалось, что номинаторы не оставили без внимания ни одного отличительного свойства в строении тела человека, его отдельных частей и прочих особенностей внешности: цвет волос, кожи; рост; дефекты, приобретенные и наследственные; внешне выраженные последствия болезни и т. д.

Отмечаются большей частью различные отклонения частей тела от стандарта, их недостатки. Ср., например, особенности ног: Григорий **Батоног** (Строкина пуст. 1565; ИОИОГ: №4: 28) и **ботонóгий** – ‘человек с заплетающейся ногой’ *без указ. места* (СРНГ 3: 138). Сюда же относятся прозвища: Онфимко **Толстоног** (ПКОП 1496: 53); Васюк **Хлупоног** (ПКОП 1563: 164) и **хлопный** ‘имеющий укороченную ногу, хромой’ *Чуд., Тихв., Чаг.* (СРГК 6: 720); Иванко **Хромой** (ДКЛП 1597: 229); **Шарап** Давыдов, бобыль, (Гейман 1941: 1594: 342) и **шара́п** – ‘человек с кривыми ногами’ *Волог.* (Карт. СРГК). В данную группу будут входить основы таких прозвищ, как **Колтырь**, **Лытка**, **Ногатка**, **Тонконог**, **Хлупоног**, **Хромец**, **Щелконог**. Добавим именованьями по другим регионам: **Безногий**, **Кривоногий**, **Долгоногий**, **Хромоногий** и т. д. Особенности рук – ***Кобра** (Степан Ондреев сын Равда **Кобрин**, кемлянин; Гейман 1941: 1572: 221) и **кóбра** – ‘рука’ *Подп.* (СРГК 2: 381), **коба́рка** – ‘рука, кисть’ *Кем.* (СРГК 2: 381); **Пакуля** (Гейман 1941: 1591: 321) и **паку́ля** – ‘левая рука’ *Нижегор.* (СРНГ 25: 161); **па́кула** ‘левая рука’, ‘левша’ *Кириш.* (СРГК 4: 373); по другим регионам Руси отмечены такие прозвища, как **Безрукий**, **Долгорукий**, **Криворукий**, **Тонкорукий** и т. д. Особенности головы – Ефимко Семенов **Бут** (ПКОП 1563: 130) и *словен.* **búta** ‘большеголовый человек’ (Фасмер 1: 253); Гришка Иванов **Гангопя** (ПКОП 1563: 60) и кар. – **haŋgo** ‘вилы’ + **raä** ‘голова, конец’ (Мамонтова 1988: 223); Ивашко **Головарь** (ПКОП 1496: 2) и *белорус. диал.* **галава́рь** – ‘человек с большой головой’ (ЭССЯ 7: 7–8), а также такие, как **Голован**, **Головка**, **Горшок**, **Клуб**, **Кочан**, **Курик**, **Медвежья Голова**, **Трясоголов** и т. д.

Безусловно, временная отдаленность антропонима и сопоставляемого с ним апеллятива говорит об известной степени гипотетичности выводов, но количественные показатели дают возможность для предположения о существовании в прошлом **эстетического критерия**: внешний облик человека оценивался по параметрам *молодой ~ старый, аккуратный ~ неаккуратный, здоровый ~ больной, красивый ~ некрасивый*.

3.1.2 Названия лиц по морально-этическим качествам, реконструированные по прозвищам, также представлены большим количеством микрогрупп, при этом группы более объемные, чем группа восстановленных названий лиц по

внешним (физическим) особенностям. Исключение составляют микрогруппы ‘умный человек’ (2 антрополоксеммы), ‘тихий, спокойный человек’ (3 антрополоксеммы), ‘трусливый человек’, ‘молчаливый человек’, ‘невежественный человек’ (по 4 антрополоксеммы).

Представим в убывающем порядке наиболее объемные группы экспрессивов, отражающих морально-этические качества лица, к которым восходят прозвища, отмеченные в средневековых документах Карелии:

- [1] ‘глупый человек’ – Балда, Басарга, Безум, Бульга, Бульч, Бут, Валуй, Виглоха, Гага, Глупаш, Дуб, Дубина, Дурак(а), Дурила, Квашня, Киндяк, Кистень, Кока, Лапоть, Лупайко, Нетес, Обалда, Олелюха, Олух, Остолоп, Ошмара, Пест, Самодур, Столб, Телепень, Тетеря, Тороп, Тупик, Турка, Тюлча, Тюльпа, Чурак, Чечуля, Шалга, Шелепя и т. д. (всего 55 антрополоксемм);
- [2] ‘ленивый человек’ – Баклан, Бекет, Ботало, Валуй, Висленя, Кокровка, Кокора, Лагун, Лежень, Ленгач, Лодыга, Лох, Лыко, Немятой, Охлябина, Ошманай, Рямзя, Телепень, Трутень, Халдей, Шала, Шат, Шебуня, Шоболда и т. д. (46);
- [3] ‘болтливый человек’ – Балака (Балакша), Бай, Байко, Басень, Бахарь, Бачура, Бобоша, Болтун, Бубен, Бутора, Варач, Варзака, Ватола, Гундор, Керка, Колокол, Колоколец, Колтырь, Левзонец, Лопотей, Лопата, Лязга, Ляпа, Слота, Сорока, Тарабука, Шабала, Шамша, Шоболда, Щемела и т. д. (41);
- [4] ‘лживый человек’ – Базло, Бухаря, Варлыга, Вертячей, Виранец, Врач, Жегач, Жегло, Качало, Келас, Клепа, Колокол, Кривой, Лиса, Лисица, Лодыга, Мазура, Мухлак, Намет, Омут, Ошук, Прокуда, Свистун, Хвост, Хлус, Хлюст(а), Щука, Юла и т. д. (37);
- [5] ‘драчливый человек’ – Бодун, Бутак, Буян, Брыка, Вьюша, Горза, Горзан, Жигляй, Зажога, Зворыга, Клепа, Кокшак, Кокша, Колупа, Липач, Лупайко, Мячко, Пахгач, Талыза, Терев, Урус, Чеглок, Щелкан и т. д. (33);
- [6] ‘сварливый человек’ – Базыка, Бурко, Бучень, Верещага, Вязга, Деряга, Дудор(а), Желвач, Желна, Звяга, Карза, Колтыря, Крюк, Кюрза, Левзонец, Репяк, Севрюк, Шабан, Ярец и т. д. (31);
- [7] ‘упрямый человек’ – Баран, Брил(а), Бык, Дубонос, Дюк(а), Жила, Козел, Кокора, Коряка, Крен(ь), Лобан, Обух, Рогач, Собина, Стырко, Треста и т. д. (27);
- [8] ‘скандалист, спорщик’ – Брызгало, Брыка, Бузуй, Булгак, Буян, Галбач, Грызло, Гуда, Задорка, Замятня, Костарь, Ошера, Рагоза, Собака, Суторма, Харза, Яга и т. д. (22).

Реконструированные на базе данных групп прозвищ апеллятивы свидетельствуют о **существовании** в прошлом у русского народа определенного **морального кодекса** перед собой и обществом.

3.1.3 Сопоставление антропонимического материала с диалектными апеллятивами показало, что экспрессивным названиям лица из обеих групп свойственен семантический синкретизм: в структуре значения диалектного апеллятива, с которым сопоставляется прозвище, содержатся дополнительные свойства внешнего облика человека, а также его характера и поведения, которые нельзя расчленить. Так, в лексическое значение слов, называющих полного человека, проникают компоненты, дополнительно описывающие различные физические данные: ‘неуклюжий’, ‘неповоротливый’, ‘здоровый’, ‘болезненный’, ‘невысокий’. Ср. именованья, зафиксированные в памятниках письменности Карелии, и лексическое значение диалектных и древнерусских апеллятивов:

- полный и неповоротливый, неуклюжий – **Кубаско** Лутьянов (ПКОП 1563: 208) и перен. значение **кѹбас** ‘о толстом, неуклюжем человеке’ Олон. (СРНГ 15: 378), а также **кубастый** в др.-русс. языке – ‘имеющий выпуклые бока (о сосудах)’, ‘выпуклый’ (СлРЯ XI–XVII 8: 101); **Кубач** (ПКОП 1496: 26) и в говорах Карелии **кубáч** – *перен.* ‘о неповоротливом, неуклюжем человеке’ (СРГК 3: 45); подобную контаминацию компонентов значения наблюдаем при анализе внутренней формы прозвищ **Баклан, Бочка, Лабза, Олелюха, Телепень**;
- полный и здоровый – ***Гладыш** (Сенка **Гладышов**; ПКОП 1563: 150) и **гладыш** – ‘полный, здоровый человек’ Чер., Волог. (Чайкина 1995: 25), ‘толстый, тучный, жирный человек или животное’ Костр., Новг., Влад., Твер., Волог., Курск., Тамб., Вят., Ср.-Урал., Орл. (СРНГ 6: 182);
- полный и болезненный – ***Дупль** (Менший Степанов сын **Дуплев**; Строкина *пуст.* 1602; ИОИОГ 1914; № 8; 69) и **дупля** – ‘болезненная, тучная, медлительная женщина’ Волог., ср. также **дупля** ‘задница’ *с.-в.-р.*; это же значение в *польском языке* у **dupa**, восходящего, по мнению М. Фасмера, так же, как **дупля**, к **дупло** (Фасмер 1: 554);
- полный и невысокий – Минка Петров **Курбатко** (ПКОП 1563: 207) и **курбатый** ‘малорослый и толстый’ Пенз., Саратов., Краснояр., Влад. ‘толстый, круглый, дородный’ Влад., **курбáтик** ‘малорослый человек, толстяк’ Пенз., Саратов., Симб.; **курбатенький** ‘маленький и толстенький’ Пенз. (СРНГ 16: 113).

Более того, внешние данные могут переплетаться с характеристикой качеств характера лица, ср.:

- полный и неуклюжий, неумелый – Мартемьянко **Давыдов Корова** (ПКОП 1563: 169) и в совр. русском языке **корова** ‘о толстой *неуклюжей*, а также *неумелой* женщине’ (*груб.*) (МАС 2: 106);
- полный и ленивый – ***Мамон** (Семенча Мамонов; ПКВП 1568: 168) и **мамон** *перен.* ‘лентяй, располневший от ожирения и безделья’ Волог. (СРНГ 17: 351);

- полный и неповоротливый, обжора – Васюк **Кережа** (ПКОП 1563: 243) и **керёжа** ‘брюхан, обжора; толстый, неповоротливый человек’ Медв., Канд. (СРГК 2: 340).

Подобная диффузность значения наблюдается и при характеристике худошавого человека. Во внутренней форме прозвищ отмечаются также высокий рост, болезненность, физические недостатки отдельных частей тела. Ср.:

- высокий и худошавый – Федка **Драница** (Мюллер 1948: 1647: 57) в др.-русс. языке **драница** ‘длинная (два метра и более) сосновая дощечка для крыши, получаемая расщеплением отрезка древесного ствола’ (СлРЯ XI–XVII 4: 350); Ю. И. Чайкина предполагает, что **драницей** могли назвать ‘высокого, худошавого человека’ (Чайкина 1995: 31); ***Жеравль** (дер. Жеравлево в лахте: в ней Иванко **Жеравлев**; ПКВП 1568: 120) и перен. значение в *смол.* говорах **жарáвль, жура́вль** – ‘худой, высокий человек’ (СРНГ 9: 228); **Рогозинка** Офонасьев (КЗПОП 1582/83: 138) и диалектное перен. значение **рагóзина** – ‘худой и длинный человек’ *медв.* (КСРГК);
- худой и больной – ***Зеленя** (Петрушка **Зеленин**; Мюллер 1948: 1690: 319) и перен. значение **зэлень** – ‘худой, болезненный ребенок’ *выт.* (СРНГ 11: 251); **Лулак** Лукин (ПКОП 1563: 200) и диалектное **лулаки** ‘неспелые ягоды’ *олон. выт.* (СРНГ 17: 192); вероятно, так могли прозвать ‘худого, болезненного человека’; следует учесть известные в вепс. языке аpellятивы **lukaz** ‘костлявый’ (Зайцева – Муллонен 2007: 201); **Сухан** Нефедьев (Гейман 1941: 1594: 343) и **Сухой** (ПКОП 1496: 15), в др.-русс. языке **сухой, сухый** – ‘тощий, сухой’, ‘иссохший от болезни’ (Срезневский 3: 632), в говорах **сухой** – ‘худой, чахлый, тощий, поджарый’ (Даль 4: 365); и др.-русс. **сухой, сухый** – ‘тощий, сухой’, ‘иссохший от болезни’ (Срезневский 3: 632), в говорах **сухой** – ‘худой, чахлый, тощий, поджарый’ *без указ. места* (Даль 4: 365); Васюк **Чалец** (Гейман 1941: 1538/39: 132) и в говорах **чáлый** – ‘хилый, болезненный, худой человек’ *медв.*, ‘тот, кто плохо ест’ *кондоп.* (СРГК 6: 754);
- худошавый, имеющий разные физические недостатки рук и ног: **Паук** Панкратов (КЗПОП 1582/83: 119–120) и диалектное **паук** – ‘слишком худошавый, с кривыми ногами и руками человек’ *Медв.* (Карт. СРГК).

В народном сознании излишне худошавое телосложение закрепилось с мнением о злобном характере (например, в фольклоре *Кощей Бессмертный* – один из самых злых персонажей, представляется костлявым, излишне худошавым человеком); и наоборот, полнота, как свидетельство доброго, веселого нрава и, более того, внешне красивого, привлекательного, здорового человека (Полнеть, наполняться, становиться полнее; добреть, тучнеть, толстеть; Даль). При этом и чрезмерно полный человек также заслужил отрицательную оценку, полнота соединялась с обжорством, ненасытностью, жадностью и, как следствие, духовной бедностью (*Мамон полнит, а душа*

скудается; Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло; Чистота духовная па-че телесной; Что телу любо, то душе грубо. Даль). Как видим, физические отклонения от нормы очень часто контаминируются с отрицательными морально-этическими качествами лица. А такое качество, как неаккуратность, совмещает в себе внешнюю (чистоплотность) и внутреннюю (рассточительность, беспутность, неумение вести хозяйство, лень) характеристику человека.

Однако о негативной оценке некоторых внешних данных можно говорить условно. Так, большелобый человек – это еще и умный человек, человек с большими зубами – здоровый человек, а старый человек – мудрый человек.

Взаимопроникновение оценок, невозможность их расчленить, с лингвистической точки зрения свидетельствует о некоторой условности в выделении той или иной микрогруппы, а с онтологической – характеризует **человека как неоднозначное по своим внутренним и внешним особенностям явление.**

3.1.4 Как видим, именованый с «положительной» внутренней формой значительно меньше. В основах прозвищ преобладают слова, которые имеют негативную, отрицательную оценку. Вероятно, это связано с тем, что трудолюбие, сметливость, расторопность, воздержанность, радушие, физическая сила считались нормой, а потому реже находили отражение в лексике и апеллятивной, и ономастической. Более того, группе названий лиц с положительной оценкой противопоставляется весомый комплекс групп, описывающих различные недостатки во внешности и в характере человека. Выведение шкалы с нейтральной оценкой вообще невозможно, поскольку нейтральное и положительное приравниваются друг к другу. По мнению лексикологов, это явление находит объяснение в особенностях народного характера (в особом складе «лукавого», по А. С. Пушкину, русского ума): все положительное считается нормой и не требует особых языковых средств для выражения, отклонения же от нормы обязательно находят отражение в языке. Добавим, за усиленным вниманием к любым отрицательным характеристикам скрыто **стремление увидеть образ идеального** во всех планах русского человека эпохи средневековой Руси. Возможно, это одно из объяснений того, что в ономастиконе так много обидных с точки зрения современного носителя русского языка прозвищ. В некоторой степени, поиск идеального человека контаминируется с теми ценностями, которые пропагандировало христианство, диктовавшее, каким должен быть человек, как он должен поступать.

3.1.5 Призмой, через которую оценивали внешние данные и качества характера человека, было *отношение к труду*. Толстый, худой, больной, имеющий различные наследственные или приобретённые недостатки,

старый, слишком молодой, неопытный и проч. человек не мог полноценно трудиться. Лень, глупость, излишняя болтливость, упрямство, скандальность и т. д. отрицательно сказывались не только на межличностных отношениях, но и мешали совместному труду. В средневековом обществе, где большая часть работы выполнялась коллективно, где вклад каждого и его способность выполнять определенную работу имел особую ценность, такие отклонения были особенно заметны и потому находили отражение в языке. А антропонимизация этих лексем – это не только характеристика именуемого (и номинатора), это своего рода профилактическая мера, направленная на человека лично и всё общество в целом. Таким образом, **коллективная трудовая деятельность – основная ценностная координата**, тот стержень, на котором держалась иерархия ценностей.

3.1.6 Нельзя забывать, что к исследованию привлечены региональные прозвища, и потому выявленные ценностные ориентиры по данным исторической антропонимии могут и не быть общерусскими универсалиями. Основы исследуемых имен собственных могут отражать региональный образ жизни, который характеризовался не типичными для всех русских особенностями жизнедеятельности, а сформировавшимися свойствами поведения, общения, мышления и прочими устоявшимися формами бытия человека на определенной территории в определенное историческое время. К сожалению, установить насколько выделенные нами различные внешние и внутренние качества были характерны для русского языкового сознания до конца объективно невозможно. Это обусловлено общим развитием ономастической лексикографии: отсутствием или недоступностью региональных ономастиконов различных периодов.

Однако некоторые предварительные выводы по имеющиеся в распоряжении автора статьи материалам можно сделать. Так, в документах Карелии прозвища, образованные от аппеллятивов со значением ‘пьяница’, единичны (**Брага, Заливень, Качало, Хмель, Ярыга** и, возможно, **Бульга, Бражник, Горло, Кочур, Ярыга**), а в вологодских документах это достаточно объемная группа именованый (Комлева 2004).

Невелико количество названий лиц по профессии² (примерно 4–5 %), что связано с преобладанием в Карелии сельского населения. Думается, что названия лиц по профессии, роду деятельности антропонимизируются в ономастической системе в том случае, если деятельность человека по каким-то причинам выделяется в социуме, например, человек – единственный, кто выполняет определенный вид работы в сельской по преимуществу местности

² Названия лиц по профессии в данной статье не рассматриваются, поскольку они не входят в экспрессивный ряд, но в данном случае они являются ярким подтверждением иного видения мира, иного членения денотативного пространства.

(Бочарник, Ведерник, Драничник, Жемчужник, Замочник, Калачник, Медведчик, Оконничник, Пирожник, Ременник, Серебренник, Трубач, Шапольник, Щанник и др. – всего 120 антрополоксем). В торговых городах центра Руси, а также в Вологде, Архангельске достаточно много антропонимов, восходящих к названиям лица по профессии, роду деятельности (Попова 2002; Иванова 2006).

Кроме того, для выявления потенциальных возможностей антропонимии Карелии XV–XVII вв. в фиксации ценностных ориентиров необходимо учитывать взаимовлияние разноязычных народов, находящихся издревле в тесных контактах, что актуально для понимания этнопсихологических, этнокультурных систем, истории народа на данной территории.

На наш взгляд, значительный объем такой группы, как ‘глупый человек’ является общерусской, а может быть, и общеславянской универсалией. А вот наполняемость таких групп как ‘полный человек’, или внимание к светлой коже, волосам, глазам, это особое отражение связи русских и прибалто-финнов. В антропонимии Карелии достаточно много именовании с корневым формантом **Бел-** (**Белой**, **Беляй** и под.). Именование **Белоглазой**, несмотря на славянскую основу, могло быть дано с некоторой долей гипотетичности неславянину, ср. с выражением «*чудь белоглазая*» или антропологическими описаниями карел, вепсов, финнов.

Неслучайно особое внимание к другому этносу повлияло на объем и количество микрогрупп, в которых проявляются человек говорящий, особенности процесса говорения: ‘болтливый человек’, ‘сварливый человек’, ‘назойливый человек’, ‘крикливый человек’, ‘скандалист, спорщик’. Известно, что русскими прибалто-финны позиционируются как малоразговорчивые, необщительные, и наоборот, русские как коммуникабельные личности, что объясняется экстралингвистическими причинами: русские принесли на север гнездовой способ поселения в противоположность хуторному, уединенному у карел, финнов, кочевому у саамов.

Пристальное внимание к отличительным признакам внешности и поведения человека на территории Карелии связано с особым отражением архетипического противопоставления «чужой ~ свой». В системе прозвищ наблюдается скрытое сравнение, когда особо вычлняются «свои» и «чужие» достоинства и недостатки, которые становятся более заметными при соприкосновении с иной моделью поведения, образом жизни, системой ценностей (для русских – это прибалтийско-финская, саамская и наоборот). Важно и то, что при сравнении русские видели не только свои положительные качества и чужое несовершенство, а как раз наоборот: свои изъяны и чужие достоинства. В данном случае через анализ основ именовании видится уважение, понимание, принятие мировоззрения и культуры других этносов.

3.1.7 Итак, прозвище, зафиксированное в региональных памятниках донационального периода, является центральной единицей, которая содержит комплекс знаний о духовных ценностях общества средневековой Руси. Анализ многочисленных оценок – разнообразных характеристик человека, показал, что русский человек был предельно требователен к себе, поэтому лишь незначительное количество именовании восходит к апеллитивам с положительной коннотацией, в оценках внешнего и внутреннего состояния практически невозможно увидеть точку отсчета, что связано с имплицитным стремлением к идеалу и особым отношением к коллективному труду. Региональный антропонимикон через прозвище особым образом отражает иное видение денотативного пространства и диалог культур.

3.2 Не менее интересным представляется анализ некалендарных личных имён с точки зрения определения ценностных ориентиров. Карелия в силу удаленности от центра сохранила их в достаточном количестве вплоть до конца XVII века. В исследуемых памятниках письменности более 2700 человек (11,5%) являлись носителями таких имён. Более того, такие имена носили не только крестьяне, но и церковные служащие разного статуса, ср.: **Баженко Федоров, дьячок, 1657; Второй Поздеев, дьяк, 1602; Докучайко Григорьев сын Игумнов, дьячок, 1650; Дружина Протопопов, дьяк, 1660; Дружинка Герасимов, юштозерский дьячок, 1659; Ждан Прокопьев, поп, 1690** и т. д. (Мюллер 1948: 127, 15, 163, 136, 343). Следовательно, «языческий консерватизм», связанный с функционированием исконно русских имен, на периферии длился значительно дольше, а смена религиозной формы освоения человеком мира через имя по разным регионам Руси проходила с неодинаковой степенью интенсивности. Имеются исторические свидетельства того, что в XIII–XIV вв. не все жители Карелии были христианами (Шаскольский 1978: 16),³ «север Карелии, Беломорье, где поселения носили временный промысловый характер, христианизацией не затрагивался» (Пулькин и др. 1999: 25), а в Приладожье (району наиболее близкому Новгородчине) «христианизация проводилась в довольно мягких формах» (Пулькин и др. 1999: 25), и потому находят достаточно много свидетельств сохранения языческих особенностей верований, например, у историка Н. П. Павлова-Сильванского отмечено, что в XV в. племена в Водской пятине поклонялись деревьям и камням и приносили им жертвы (1924).

Некалендарные личные имена отличает их особый ономастический статус: с одной стороны они близки календарным личным именам, с другой стороны из-за близости к апелливативной основе они сближаются с прозвищами.

3 «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе дани и денег» (ливонский хронист?, 1220-е гг.) (Шаскольский 1978: 16).

Вероятно, именно поэтому их роль иногда переосмысливается, и в документах встречаются единичные записи наподобие «*Васюк Васильев, прозвище Жданко*» (ДКЛП 1597: 224).⁴

Для определения ценностных ориентиров обратимся к статистическим показателям и анализу внутренней формы данной антропонимической единицы.

3.2.1 Некалендарный личный именник – закрытый список имён, которые могли дать ребёнку при рождении. По данным памятников письменности Карелии, к ним можно отнести чуть более 200 имён. Наиболее частотными именами являлись такие, как **Нечай** (Нечаец, Нечайко) – 158, **Третьяк** (Третьячко, Тренка) – 137, **Истома** (Истомка) – 71, **Первой** (Первуша, Первушка, Первыша, Первышка) – 70, **Поздей** (Поздейко, Поздняк, Позднячко) – 64, **Меньшой** (Меншак, Меншик, Меншичко) – 64, **Ждан** (Жданко, Жданец) – 41, **Ушак** (Ушачко) – 41, **Вешняк** (Вешнячко) – 39, **Томил** (Томило, Томилко) – 24, **Малой** (Малко, Малга, Малейко, Малюк, Малютко) – 22, **Невзор** (Невзорко) – 21, **Судок** (Судочко) – 19, **Руд** (Рудак, Рудачко, Рудной) – 18, **Шестой** (Шестак) – 18. Это ядро некалендарного личного именника, с небольшими вариациями эти имена являются частотными в памятниках письменности других регионов средневековой Руси. В документах Карелии они обслуживают треть носителей таких имён. Следовательно, несмотря на длительное, растянувшееся на несколько веков сопротивление календарному именнику, некалендарные личные имена были обречены развитой одноименностью: имя собственное переставало в такой ситуации выполнять предназначенную ему функцию – функцию индивидуализации и идентификации лица.

В семантическом плане некалендарные личные имена также не отличаются от ономастиконов других регионов Руси. Это ономастические универсалии, которые отражали (1) порядок рождения, (2) время рождения, (3) отношение родителей к факту появления ребенка, (4–5) внешние особенности и качества характера ребенка, которые ярко проявлялись с рождения, (6) «чистые» охранные и пожелательные имена. При этом самый разнообразный репертуар имен в группе, отражающей внешность новорождённого (их около 50), однако самыми частотными являлись имена, указывающие на отношение родителей к факту появления ребёнка в семье (344 носителя: **Бажен / Баженко, Баженья, Ждан / Жданко, Жданец, Неждан / Нежданко, Нечай / Нечаец, Нечайко, Любимко**) и на порядок рождения (311 носителей: **Первой / Первуша, Первушка, Первыша, Первышка; Второй; Третий / Третьяк, Третьячко, Тренка; Четвертак; Пятой / Пятуша, Пятушка, Пятко, Пятуня, Пятун, Пятуха; Шестой; Семей; Осьмой / Осьмушка; Девятой / Девятко**).

4 Вопрос о разграничении некалендарных личных имён и прозвищ см. Кюршунова 2012: 103–108.

Следовательно, некалендарный именник в отличие от прозвищного несет **информацию о семейных ценностях, выраженных через наречение ребёнка.**

Мотив именования у некалендарного личного имени, как и у прозвищ, отличается диффузностью: помимо «основного» мотива именования, обозначенного в семантике основы антропонима, можно найти скрытые, древние причины появления и распространения таких имён, – это пожелательный и охранный мотивы. Вероятно, неслучайно такой мотив именования, как порядок рождения был особо популярным, а в некоторых семьях мотив переходил от одного поколения к другому, ср. с примерами семейных соименований: **Первой** да Исуп **Третьяковы** дети Зынина сына Савина (ПК-ВП 1568: 117); **Третьяк** Леонтьев сын **Шестого** (Мюллер 1948: 1639: 37); **Шестачко Третьяков** (КЗПОП 1582/83: 149) и проч. В такой пожелательной установке можно увидеть прагматизм наших предков: многочисленная семья, состоящая по преимуществу из лиц мужского пола, могла выполнить бóльший объём работы и обеспечить себя всем необходимым, а это в свою очередь залог достатка и успеха в обществе.⁵

Некалендарные личные имена в противоположность прозвищам отличает использование разнообразных модификатов (ср.: от **Пятой** – Пятко, Пятуня, Пятунка, Пятуша, Пятушка). Особое отношение к ребёнку передано через различные форманты, наиболее востребованным является формант **-к-**, а также **-ашк-**, **-ушк-**, **-ышк-**, **-шк-** (ср.: **Белашка**, **Гневашко**, **Грибашко**, **Гудашко**, **Домашка**, **Ловушка**, **Лопушка**, **Малышко**, **Мокрушка**, **Осьмушка**, **Падрушка**, **Первушка**, **Первушка**, **Пятушка**), которые являются самыми продуктивными и в современной севернорусской диалектной системе именования. Представляется, что форманты, с помощью которых образовывались модификаты некалендарных личных имён, имели положительную семантику.

В памятниках письменности отмечено, прежде всего, взрослое население края, являвшееся носителями модифицированных форм некалендарных личных имен. Предполагаем, что некоторые модифицированные формы могли восприниматься и функционировать как отдельное, самостоятельное имя, поскольку вариантность имён, связанная с номинацией одного и того же человека, является единичной, ср.: **Домашней** Якимов (Мюллер 1948: 1639: 38) и он же – **Домашка** Якимов (Мюллер 1948: 1639: 41); **Поздьячко** Медведев (ПКВП 1568: 130) и он же – **Поздяк** Васильев сын Медведев (ПК-ВП 1568: 130); **Чюдин** Иванов (Гейман 1941: 1578: 256) и он же – **Чюдинец** Иванов сын (Гейман 1941: 1578: 256).

⁵ Соименование отмечено не только в отношении к семье, но и к более широкому сообществу – деревня, починок, село и под., ср.: Поч. в Лигачи на горе надо мхом: в ней Федко Максимов **Волк**, в ней Куземка **Боранов**, пог. Мегрежский, (ПКОП 1563: 220), Дер. на Святе озерке: в ней Гридка **Меринов** внук, сосед его **Жеребец**, пог. Никольский Готслав волок, ПКОП 1496: 21.

Использование модифицированных форм – это также своеобразное **отражение** отношения родителей (= номинаторов) к ребёнку в семье, **семейной иерархии**, которая впоследствии была **перенесена в социальную сферу**, большую, чем семья, – т. е. общество ср. использование формантов при самоименовании подчиненного человека при обращении к лицу стоящему на иерархической лестнице выше.⁶

3.2.2 Практически все некалендарные личные имена имеют общерусскую или общеславянскую основу. Например, имена с корнями **Баж-**, **Друг-**, **Люб-**, **Мир-** и под. известны украинскому, белорусскому, сербохорватскому, польскому, болгарскому ономастиконам. Включение в семейный ономастикон имен с понятной, «родной» внутренней формой – это понятный и естественный процес. Однако имеются редкие исключения.

(1) В ономастиконе Карелии к некалендарным личным именам неславянского происхождения можно отнести такие антропонимы, вхождение которых в систему имён началось ещё на апеллятивном уровне и объясняется взаимодействием контактирующих этносов на определенной территории. Так, предполагаем, что в группу некалендарных личных имён с охранной мотивацией входил антропоним ***Лембой** (ср. Филка да Перха **Лембоевы**; ПКООП 1563: 141), имеющий прибалтийско-финскую основу, ср. с *собст. карел. lembo, ливв. lemboi, вепс. ľemboi, саам. lembuj, фин. lembo* ‘злой дух, чёрт’ (СОС: 308). Однако носить такое имя мог не только карел, вепс, финн, саам, но и славянин, поскольку нарицательное **лёмба** имеет широкую географию распространения в севернорусских говорах: ‘мифологическое существо, живущее в лесу, леший’ – *Канд., Пуд., Выт., Кондоп., лёмбой* ‘мифологический персонаж, нечистая сила’ *Медв.* (СРГК 3: 110), апеллятив отмечен в русской диалектной идиоматике – *Тихв., Пуд., Прион., Подп., Тер., Белом.* (СРГК 3: 110), что свидетельствует о раннем заимствовании слова из прибалтийско-финских языков в лексико-семантическую систему русских диалектов. Семантика апеллятива и ареал бытования позволили предположить, что в данном случае мы имеем дело не с прозвищем, а с личным именем. Аналогичные «свои» антропонимы ***Жихарь, Хозяин, Шишко, Шишуля, Шишел** и под. отмечены в документах Карелии, восходят к апеллятивам со значением ‘нечистая сила’, где предполагается охранный мотив именования.

(2) На более широкой территории (для периода XIV–XVII вв. и, может быть, раньше) к некалендарным личным именам можно с некоторой долей гипотетичности отнести имена с тюркско-татарской основой. В ономастиконе Карелии они единичны: **Бекет Терехов** (КЗПОП 1582/83: 222); **Казаринко** Петров (ПКООП 1563: 129–130); **Ташлычко** Семенов (ПКООП 1563: 228); Гридка Павлов да брат его **Чубар** (ПКООП 1563: 225);

6 См., например, об этом Волков 1974: 138–141.

Иванко **Чумбур** (ПКОП 1563: 151); **Муратко** Иванов (ПКВП 1568: 77) и под. (всего 60 случаев). За таким подразумевается охранный мотив со своеобразным преломлением противопоставления «свой ~ чужой». Такое суждение, прежде всего, допустимо для регионов, где не было тесного контактирования с татарскими племенами (Карелия, Архангельск, западные регионы Руси).

3.2.3 Таким образом, некалендарные личные имена в своей основе являются общерусскими (шире общеславянскими) универсалиями и также, как прозвища, несут особую информацию о ценностных ориентирах. Доминантой являются семья и ребёнок. Через именование выражено особое отношение к ребёнку, параллельно выстраивается иерархия: почитание старшего, которое в обществе перерождается в умаление роли зависимого члена этого общества. Кроме того, за некалендарным именем скрыт глубинный подтекст, обусловленный верованиями средневекового человека, получившими преобразования в региональном ономастиконе XV–XVII вв.

3.3 Календарные имена также несут информацию о ценностных ориентирах человека средневековой Руси. Однако информация эта предельно редуцирована и вычленив её можно только через интерпретацию состава имени и его количественных показателей.

Отметим, что на территории Карелии XV–XVII вв., по данным памятников письменности, уже 88,5 % населения функционирует под календарным личным именем. Следовательно, произошло изменение культурного сознания, связанное с принятием христианской веры. Однако и в данном случае следует учитывать региональный фактор. Так, в исследуемое время из предложенного христианской церковью ономастикона вычленены и адаптированы чуть более 300 имен (включая 41 женское имя), что более чем на 130 лишним единиц уступает подобным показателям по другим регионам Руси и позже России, установленным ономастами В. Д. Бондалетовым (1983: 110), Т. А. Закачковой (1979: 16–17), С. Н. Смольниковым (1996: 6–7) и др. Ядро календарного ономастикона составляют имена **Иван, Федор, Василий, Григорий, Семен, Яков, Андрей, Михаил, Степан, Никита, Петр, Тимофей, Матвей, Павел, Кузьма, Максим, Гавриил, Игнатий, Алексей, Кирилл, Афанасий, Савва, Дмитрий, Лев, Фома** (даны в порядке убывания в региональном ономастиконе). Как и в случае с некалендарными личными именами, наблюдаем высокий коэффициент повторяемости. Получается, что календарная антропонимическая система, имевшая в своём репертуаре на данный момент более 2000 личных имён, также сократила количество элементов – календарных имён, используемых для наречения, и большая часть предложенных церковью имен оставалась в пассиве. Как результат, развитие тезоименности внутри семьи, ср. с записями: «Дер. на

Суме же реке: в ней поп Гаврило да его дети Якуш да Тимошка да Васко да Якушко ж» (ПКОП 1563: 160) или *«Деревня у часовни Назарьевская: в ней Сенка Семенов, в ней Федка Федоров»* (1582; КЗПОП: 73) и т. д. (более 200 подобных случаев).

Следовательно, для разграничения в коллективе лиц с одинаковыми именами необходимы были дополнительные способы: (1) использование прозвищ; (2) использование формантов для создания модифицированных форм с календарным именем в основе; (3) развитие структуры именования в целом.

Первые два способа уже рассмотрены в статье, и можно только добавить, что тезоименность явилась той причиной, по которой прозвища и некалендарные личные имена (последние, безусловно, с изменением функциональной нагрузки) продолжали активно существовать в неофициальной сфере средневековой Руси и позже. Использоваться и уже описанные принципы и мотивы номинации человека – от рождения до появления каких-либо отличительных особенностей во взрослой жизни, ср.: Степанко Колокол купчина з детми с **Ыванком** да с **Ывашком** с **меньшим** (ПКВП 1568); На Кучо ж озере в волостке в Аччиеве Наволоке: в ней Иванко **Большой** да Иванко **Меньшой** (ДКЛП 1597) и т. д. Это был длительный процесс, что и объясняет наличие в основах современных русских фамилий большого числа характеризующей апеллятивной лексики.

Тезоименность явилась причиной, по которой календарное имя активно модифицировалось, ср. от имени **Артемий** в документах Карелии представлены Ортемий, Ортемейко, Ортем, Ортемка/-о, Ортюк, Ортюх, Ортюша, Ортюшка, Артуйко. Чем более востребовано имя, тем большим количеством формантов оно обрастает, побеждают модификаты с формантами **-к-**, **-ашк-**, **-ушк-**, **-ша-**. Безусловно, в данном случае наблюдается влияние некалендарной системы на календарную. Календарные модификаты – это один из ярких показателей адаптации заимствованного имени. Их функционирование еще раз подтверждает вывод о семейных ценностях и том, что имя – особый показатель иерархии внутри семьи и общества.

Вероятно, именно семья становится с одной стороны площадкой для сохранения именований, включения заимствованных имён в сферу русского словообразования, а с другой стороны, именно семья тормозит введение в оборот бóльшего количества христианских личных имён. Косвенным подтверждением этому служит наличие большого количества календарных имен, зафиксированных в памятниках письменности только один раз (**Автоном, Акакий, Акатий, Акепсим, Анисия, Анфал, Анфилохий, Ардалион, Асклепидот ... Феодора, Феодорит, Фетиния** и т. д.; всего – 39 имён, примерно седьмая часть антропонимикона Карелии). Разумеется, такие имена лучше чем какие-либо другие выполняли свою основную функцию. В их единичности можно усмотреть сложившиеся предпочтения в выборе имени, и не таком сильном влиянии церкви на периферии славянского

мира. Интересно, что единичные именованья отмечены на территории тех погостов Карелии, которые в большей степени приближены центрам Руси (Новгород, Москва). В антропонимической системе периферийных погостов, где проживало в большей части прибалтийско-финское население, употреблялись наиболее частотные и адаптированные на всех уровнях именованья. Можно заключить, что наличие прибалтийско-финской языковой зоны было дополнительной причиной, по которой использовались наиболее освоенные в русской языковой среде изучаемого времени календарные имена.

Тезоименность оказалась следствием развития структуры именованья, переходу от двухкомпонентной модели именованья к трехкомпонентной и более. При этом третий компонент являлся прозвищем: Федор Власов сын **Алажда** (КЗПОП 1582/83: 204), Фетко Онуфреев **Балбач** (ПКОП 1563: 133), Фетько Васильев сын **Будыня** (ПКВП 1568: 103), Истомка Федоров **Жалоба** (ПКВП 1568: 65), Митька Олферьев сын Марьина **Богатого** (ПКВП 1568: 125), Нечай, Иванко, Пятый Григорьевы дети Нестерова **Широких Колпаков** (ПКВП 1568: 93) и т. д., или патронимом: Денис Семенов сын **Ябедников** (КЗПОП 1582: 179), Ефимко Федоров **Космынин** (ПКОП 1563: 150), Зжданко Истомин **Ветошкин**, Третьячко Яковлев **Михайлова** (ПКВП 1568: 69) и т. д. Трехкомпонентная система была настолько функционально закреплена в системе именованья к XVII веку, что повлияла и на западноевропейскую, нашедшую отражение в документах, написанных на шведском языке, ср. в Поземельной книге Кексгольмского лена 1637 г. представлены: Матты Лаврин Латика / *Mati Laurinpoika Latik* (483/74), Оллы Антыев Карвинен / *Olli Antinpoika Kurojne* (487/78), Гейки Антыев Колмигалко / *Näiki Antinpoika Kolunhelge* (481/72), Оллы Юсчиев Лузикка / *Olli Jussin Lusicka* (487/79) и т. д.

Структура именованья как нельзя лучше отражает процессы языковой интерференции. Имеются в виду так называемые «гибридные именованья», когда в структурной формуле соединяются разносистемные элементы: исконно-славянские некалендарные личные имена и прозвища, календарные русифицированные имена, прибалтийско-финские имена и образования от них. Примеры из русскоязычных документов: Шойкуй Конан (Гейман 1941: 1581: 277); Истомка Речкуй (ДКЛП 1597: 212); Нечай Иванов сын Пергуев (Гейман 1941: 1572: 221); Феофанко Келас (КЗПОП 1582/83: 96) и т. д.

В документах Кексгольмского лена также представлен разноязыковой синтез, отраженный в структуре именованья: Первушка Ковкупяев / *Pärwoi Koukupää* (461/50); Михейко Гяря / *Mikejko Härä* (463/52); Анты Лопинов / *Anti Loginof* (622/255); Пяртюли Пяжуев, бобыль / *Bärtell Päsuef, bobell* (733/355); Павойко Рохповев, бобыль / *Pawo Rochwanien, bobell* (560/161); Паво Латыш, бобыль / *Pawo Rosalyn, bobell* (644/210) и т. д.). При этом исконно русское имя или прозвище и русифицированное календарное имя чаще

«принимают» заимствованный компонент именования, что является свидетельством не только тесных контактов русских и прибалто-финнов, но и того, что русское сознание оказалось более открытым в плане заимствования, наиболее готовым и терпимым к принятию фактов других культур, их активному переосмыслению.

Имена прибалтийско-финского происхождения и конструкции, содержащие их, зафиксированные в русскоязычных документах Карелии, – специфическая часть русского ономастикона, доказывающая, что «стерильно чистое (бессубстратное) этническое пространство – исключительное и сомнительное явление» (Трубачев 1982: 14). История народа не протекает изолировано, она развивается во взаимодействии его с другими народами.

Календарным личным именам в периферийном регионе принадлежит обширное функциональное пространство, обусловленное изменением культурных ценностей в сознании народа. Это общерусский процесс. Однако наблюдается узость репертуара наиболее значимых имен, что обусловлено этноязыковым влиянием – наличием прибалтийско-финской языковой зоны. Тезоименность влекла за собой развитие структуры именования, формирования «гибридных» моделей и, как следствие, сохранения и развития прозвищной системы, использования в качестве компонента именований с прибалтийско-финской основой, патронимов – прообразов будущих русских фамилий.

- 4 Итак, имя собственное – особый антропоцентрический маркер, позволяющий выявить формирование ценностных ориентиров, характерных как отдельному человеку, – представителю определенного этноса (нации), так и целому коллективу. В определении системы ценностей необходимо учитывать особенности региональной картины мира, особого членения денотативного пространства, на которое влияет географическое положение, контакты с другими народами. Имя собственное – культурный маркер, позволяющий увидеть самобытный исторический образ эпохи и формирование новых моделей жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Азарх 1981 = Ю. С. Азарх, Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русск. именного словообразования), в: *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования: сб. статей* 1979, отв. ред. В. А. Пыхов – Р. И. Аванесов, Москва: Наука, 1981, 221–243.

АОС = *Архангельский областной словарь* 2, Москва: МГУ, 1982.

Апресян 1995 = Ю. Д. Апресян, Образ человека по данным языка: попытка системного описания, в: *Вопросы языкознания*, 1995, № 1, 37–67.

Арутюнова 1999 = Н. Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, Москва: Языки русской культуры, 1999.

- АСМ** = *Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в.: акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг.*, АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние, сост. И. З. Либерзон, Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990.
- Бірыла 1966** = М. В. Бірыла, *Беларуская антрапанімія: уласныя іменны, іменны-мянушкі, іменны па бацьку, прозвішчы*, Мінск: Навука і тэхніка, 1966.
- Бірыла 1969** = М. В. Бірыла, *Беларуская антрапанімія: прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі*, Мінск: Навука і тэхніка, 1969.
- Богачева 2009** = М. В. Богачева, Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании, в: *Вестник Пермского университета: российская и зарубежная филология*, 2009, № 3, 42–51.
- Бондалетов 1983** = В. Д. Бондалетов, *Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов*, Москва: Просвещение, 1983.
- Вежбицкая 1997** = А. А. Вежбицкая, *Язык – культура – познание*, Москва: Русские словари, 1997.
- Вендина 2002** = Т. И. Вендина, *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва: Индрик, 2002.
- Волков 1974** = С. С. Волков, *Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства*, Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1974.
- Ганжина 2001** = И. М. Ганжина, Локальные антропонимы как источник реконструкции апеллятивной лексики, в: *Проблемы динамики среднерусских говоров: коллективная монография*, Тверь, 2001, 144–167.
- Гейман 1941** = *Материалы по истории Карелии XII–XVII веков*, под ред. В. Г. Гейман, Петрозаводск, 1941.
- Гуревич 1984** = А. Я. Гуревич, *Категории средневековой культуры*, Москва: Искусство, 1984.
- Даль** = В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка 1–4*, Москва: Русский язык, 1981–1982.
- Демчук 1988** = М. О. Демчук, *Слов'янські автохтонні особові власні імена в побуті українців XIV–XVII ст.*, Киев: Наукова думка, 1988.
- Дерягин 1985** = В. Я. Дерягин, Ономастический материал северно-русских памятников письменности XVI–XVII вв. как историко-лексикологический источник, в: *Топонимия Урала и Севера европейской части СССР*, Свердловск, 1985, 28–33.
- ДКЛП 1597** = Дозорная книга Лопских погостов 1597 г., в: *История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta 1*, подгот. к печ. И. А. Чернякова – Г. М. Коваленко – В. Салохеймо, под ред. А. И. Копанева – А. Г. Манькова, Петрозаводск: Йознсуу, 1987, 186–233.
- Железняк 1969** = И. М. Железняк, *Очерк сербохорватского антропонимического словообразования: суффиксальная система сербохорватской антропонимии XII–XV вв.*, Киев: Наукова думка, 1969.
- Зайцева – Муллонен 2007** = Н. Г. Зайцева – М. И. Муллонен, *Новый русско-вепский словарь*, Петрозаводск: Периодика, 2007.
- Заказчикова 1979** = Т. А. Заказчикова, *Русская антропонимия XVI–XVII вв. (на материале памятников деловой письменности)*, Автореферат. дис. ... канд. филол. наук, Москва, 1979.
- Иванова 2006** = Е. Н. Иванова, *Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV–XV вв.*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Вологда, 2006.
- Караулов 1987** = Ю. Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Москва: Наука, 1987.
- Карт. СРГК** = *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»*, Межкафедральный словарный кабинет, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.
- КЗПОП 1582/83** = Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг., в: *История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta 3*, подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой – К. Катаяла, Петрозаводск: Йознсуу, 1993, 35–341.
- Колесов 1986** = В. В. Колесов, *Мир человека в слове Древней Руси*, Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.

- Комлева 2004** = Н. В. Комлева, *Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв.*, Диссертация ... канд. филол. наук, Вологда, 2004.
- Кюршунова 1994** = И. А. Кюршунова, *Славянская антропонимия Карелии XV–XVII вв. в связи с реконструкцией лексики донационального периода*, Диссертация ... канд. филол. наук, Вологда, 1994.
- Кюршунова 2012** = И. А. Кюршунова, Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе, в: *Вестник Санкт-Петербургского университета*, серия 9: филология – востоковедение – журналистика, 2012, № 3, 103–108.
- Мамонтова 1988** = Н. Н. Мамонтова, Карельская и вепская антропонимия на современном этапе, *Ономастика – типология – стратиграфия*, Москва: Наука, 1988, 221–228.
- МАС** = *Словарь русского языка 1–4*, АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой, Москва, 1981–1984.
- Маслова 2007** = В. А. Маслова, *Homo lingualis в культуре*, Москва: Гнозис, 2007.
- Мещерский 1963** = Н. А. Мещерский, К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР, в: *Уч. зап. Карельского пединститута* 13, Петрозаводск, 1963, 113–126.
- Мюллер 1948** = *Карелия в XVII веке: сб. документов*, сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, 1948.
- Никонов 1988** = В. А. Никонов, *География фамилий*, Москва: Наука, 1988.
- Павлов-Сильванский 1924** = Н. П. Павлов-Сильванский, *Феодализм в Древней Руси*, СПб, 1924.
- ПКВП 1568** = Писцовые книги Водской пятины 1568 г., в: *История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* 1, подгот. к печ. И. А. Чернякова – Г. М. Коваленко – В. Салохеймо, под ред. А. И. Копанева – А. Г. Манькова, Петрозаводск: Йоэнсуу, 1987, 52–178.
- ПККЛ 1637** = Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г., в: *История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta* 2, подгот. к печ. и ред. И. А. Черняковой – К. Катаяла, Петрозаводск: Йоэнсуу, 1991.
- ПКОП 1496** = *Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.*, подгот. к печ. А. М. Андрияшев, под ред. М. Н. Покровского, Ленинград, 1930.
- ПКОП 1563** = *Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.*, подгот. к печ. А. М. Андрияшев, под ред. М. Н. Покровского, Ленинград, 1930.
- Полякова 2007** = Е. Н. Полякова, *Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков*, Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007.
- Попова 2002** = И. Н. Попова, *Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Вологда, 2002.
- Пулькин и др. 1999** = М. В. Пулькин – О. А. Захарова – А. Ю. Жуков, *Православие в Карелии (XV–первая треть XX в.)*, Москва: Круглый год, 1999.
- СВЯ** = М. И. Зайцева – М. И. Муллонен, *Словарь вепского языка*, Ленинград: Наука, 1972.
- Серебренников 1973** = *Общее языкознание: методы лингвистических исследований*, отв. ред. Б. А. Серебренников, Москва: Наука, 1973.
- Серебренников 1988** = Б. А. Серебренников, *Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление*, Москва: Наука, 1988.
- СлРЯ XI–XVII** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1–28-, Москва, 1975–2008–.
- Смольников 1996** = С. Н. Смольников, *Антропонимическая система Верхнего Подвинья (на материале памятников местной деловой письменности)*, Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Вологда, 1996.
- СОС** = *Сопоставительно-ономастологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков*, под ред. Ю. С. Елисеева – Н. Г. Зайцевой, Петрозаводск, 2007.
- СРГК** = *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей 1–6*, Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.
- Срезневский** = И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* 3, Санкт-Петербург, 1912 (репринтное издание: Москва: Книга, 1989).

- СРНГ** = *Словарь русских народных говоров* 1–43–, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010–.
- Степанов 2001** = Ю. С. Степанов, *Константы: словарь русской культуры: опыт исследования*, Москва: Академ. Проект, 2001.
- Строкина пуст.** = К. А. Докучаев-Басков, «Строкина пустыня» и ее чернецы: опыт исследования жизни монашествующих, в: *Известия общества изучения Олонецкой губернии* (Петрозаводск), 1914, № 4, 17–32.
- Телия 1988** = В. Н. Телия, Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира, в: *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*, Москва: Наука, 1988, 173–204.
- Топоров 1995–1998** = В. Н. Топоров, *Святость и святые в русской духовной культуре 1: первый век христианства на Руси; 2: три века христианской Руси (XII–XIV вв.)*, Москва: Шк. «Языки рус. культуры», 1995–1998.
- Трубачев 1968** = О. Н. Трубачев, Из материалов для этимологического словаря фамилий России (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России), *Этимология* 1966: *проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов*, Москва: Наука, 1968, 3–53.
- Трубачев 1982** = О. Н. Трубачев, Языкознание и этногенез славян: древние славяне по данным этимологии и ономастики, в: *Вопросы языкознания* 1982, № 4, 10–26.
- Урысон 2003** = Е. В. Урысон, *Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике*, Москва: Языки славянской культуры, 2003.
- Фасмер** = М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка* 1–4, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, 2-е изд., Москва: Прогресс, 1986–1987.
- Худаш 1977** = М. Л. Худаш, *З історії української антропонімії*, Київ: Наукова думка, 1977.
- Чайкина 1998** = Ю. И. Чайкина, *Вологодские фамилии: этимологический словарь*, Вологда, 1995.
- Чайкина 1991** = Ю. И. Чайкина, Проблемы реконструкции лексики старорусского языка на местном ономастическом материале письменных источников XVI–XVII вв., в: *История русского слова: проблемы номинации и семантики*, Вологда, 1991, 40–54.
- Чучка 1970** = П. П. Чучка, *Антропонімія Закарпаття (вступ та імена): конспект лекцій*, Ужгород: Видавництво Ужгородського університету, 1970.
- Шаскольский 1978** = И. П. Шаскольский, *Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв.*, Ленинград, 1978, 16.
- Шмелев 2002** = А. Д. Шмелев, *Русская языковая модель мира*, Москва: Языки славянской культуры, 2002.
- ЭССЯ** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* 1–38–, под ред. О. Н. Трубачева, Москва: Наука, 1974–2012–.

POVZETEK ■ SUMMARY

Vrednostni orientirji ruskega človeka skoz lastnoimensko prizmo (po gradivu regionalne antroponimije 15.–17. stoletja)

Antroponimi mimo kompleksa lingvistične informacije, določene s posebnim statusom onimov v jezikovnem sistemu, posredujejo v paradigmi sodobnih raziskav tudi spoznavo duhovnega sveta poimenovavca in poimenovanca, hkrati pa so vir vednosti o kulturnem in družbenem sobesedilu dobe. Regionalni antroposistemi to vednost specifično odražajo tako, da ne vsebujejo le onomastičnih, lingvističnih, etnolingvističnih univerzalij, lastnih jezikovni skupnosti, ampak odražajo tudi značilne momente take vednosti, določene z zemljepisnim položajem regije, z njenim družbeno-gospodarskim pomenom v stari in sodobni Rusiji, s posebnostmi stikov z drugimi ljudstvi, njihovo vero itn. V tem smislu je antroponimija srednjeveške Karelje posebno važna, ker je bila in ostaja polietnični prostor in ker tam stiki slovanskega in neslovanskega življa v onomastičnem sistemu nahajajo samosvoj lom. Tako se v regijah, podobnih Karelji 15.–17. stoletja,

razvija izkušnja prilagajanja drugim kulturam, drugim predstavam vrednostnega sistema. Včasih je prav antroponimija tisti člen, ki omogoča privrnitev manjkajočih členov te vednosti.

Value Reference Points for Russian People Viewed through Proper Names (Based on Regional Anthroponymy from the Fifteenth to Seventeenth Centuries)

In addition to the complex of linguistic information resulting from the special status of onyms in a language system, anthroponyms transmit the cognition of the inner world of the person named and the owner of the name into the modern research paradigm, and they are also a source of information about the cultural and social context of an epoch. Regional anthroponym systems reflect this knowledge in particular because they not only contain special onomastic, linguistic, and ethnolinguistic universals specific to the language system, but also reflect the characteristic moments of such knowledge due to the geographical position of the region, its social and economic importance in the history of ancient and modern Russia, contacts with other people and their beliefs, and other characteristics. In this sense, the anthroponymy of medieval Karelia is of special interest because this has been a multiethnic area since ancient times, and therefore contact between the Slavic and non-Slavic population was specially reflected in the onomastic system. Thus, the experience of adapting to other cultures and other ideas in the value system of regions similar to Karelia between the fifteenth to seventeenth centuries is developed. Sometimes anthroponymy is the only link that allows reconstruction of missing links for such knowledge.